

Фань Сянь глубоко вдохнул, чтобы его жёсткая истинная ци потекла плавно. Одежда на нём развевалась, и покачивалась на поясе нефритовая подвеска на удачу, пожалованная императрицей. Он холодно взглянул на стражников тринадцатого ямэня, окруживших его, и понял, что сегодняшние события сильно отклонились от его плана. Раз его противник не уважает премьер-министра и его отца и действительно решился побить его палками, то это явно не просто допрос с пристрастием!

Он сделал два лёгких шага вперёд, пнул в сторону сломанную надвое палку, спокойно посмотрел на двух тщетно пытающихся успокоиться чиновников, понимая, что совершил огромную ошибку, забыв о той безумной женщине в далёком Синьяне. Он не знал лишь, замешан ли Хань Чживэй — всё же наследный принц был сердит за его действия, или императрица узнала что-то ужасное.

После покушения на улице Нюланьцзе прошло уже много времени, и в глазах столичных горожан Фань Сянь стал просто гражданским чиновником с изумительным поэтическим даром. Кажется, все забыли, что он также мастер боевых искусств.

Услышав леденящий кровь звук, с которым мечи выходят из ножен, все вздрогнули. Бесчисленные клинки были направлены на Фань Сяня, гордо стоявшего посреди зала.

Батоги, которыми наказывают в тринадцатом ямэне Министерства наказаний, были особенными, под этими палками обычные мастера седьмого уровня могли только вопить от боли. Но кто знал, что жёсткая истинная ци в теле Фань Сяня была настолько яростной, что он не уворачивался и не уклонялся, а сломал обе палки пополам!

Эта сцена напугала всех служащих Министерства наказаний, и только теперь они вспомнили, что этот, казалось бы, утончённый и милый гражданский когда-то выпотрошил Чэн Цзюшу, мастера восьмого уровня из Северной Ци.

С десятков мечей уже были вынуты из ножен, освещая мрачный зал Министерства наказаний холодными отблесками, окружавшими Фань Сяня со всех сторон. Он сделал два шага вперёд, и стражники с мечами в страхе отступили на два шага назад.

Фань Сянь, нахмурившись, посмотрел на сидящих на возвышении Хань Чживэя и Го Чжэна и тихо спросил:

— Вы подумали о последствиях поднятого вами шума?

Хань Чживэй и Го Чжэна словно мороз продрал по сердцу, они почувствовали, что, хотя этот приятный молодой человек говорил равнодушно, на самом деле его слова леденили душу. Хотя влияние премьер-министра Линь Жофу при дворе сильно уменьшилось из-за происшествия с У Боанем, он по-прежнему являлся главой всех чиновников государства Цин. Вдобавок был ещё министр финансов, который с малолетства рос вместе с императором. Хань Чживэй внезапно засомневался, стоило ли ему действовать по указаниям некоего высокопоставленного лица.

Го Чжэн был сердит из-за падения Го Ючжи и рассчитывал на поддержку старшей принцессы. Он понимал, что, раз дело уже началось, его, естественно, нельзя заканчивать миром. Скрежеща зубами, он проревел:

— Я получил высочайший приказ расследовать дело, какие могут быть последствия?

Хань Чживэй подумал, что раз дошло до такого, уже нет места для сомнений, набрался решимости и холодно произнёс:

— Верно, молодой господин Фань, если ты согласен признать, что причастен к делу о злоупотреблениях на экзамене, разумеется, пытки применять не нужно; если ты откажешься признать ответственность, то по закону Цин Министерство, естественно, может подвергнуть тебя пытке.

Фань Сянь поджал тонкие губы и посмотрел на него с неискренней улыбкой:

— Пятнадцать серьёзнейших преступлений, пятнадцать серьёзнейших преступлений... — он покачал головой, вздохнул и сказал: — В будущем, если появится возможность, нужно будет изменить законы Цин, только так.

Кто может изменять законы? Конечно, только император. К счастью, говорил он очень тихо, иначе, попади его слова в чужие уши, только из-за них вся семья Фань могла бы погибнуть.

Хань Чживэй нахмурился и приказал:

— Схватить этого преступника!

Как только прозвучали эти слова, приставы тринадцатого ямэня с мечами в руках окружили его. Мечи свистели как ветер, и два клинка почти уже опустились на шею Фань Сяня, заставляя его подчиниться.

Фань Сянь внезапно выдохнул, его руки, всё время спрятанные в рукава, мягко, но чрезвычайно быстро вытянулись, словно выстрелили, превратившись в две размытые полосы, и ударили по запястьям двух стоящих рядом приставов, а затем столь же резко сжались в кулаки и легко толкнули их в грудь.

Эти действия были настолько быстры, что никто не мог их ясно разглядеть. Лишь через миг слышались два треска, два свиста и два стога боли.

Треск был от сломанных запястий двух приставов, свист издали два меча, отброшенные истинной ци наискосок вверх и глубоко воткнувшиеся в доску с надписью «Честность и справедливость». Два меча торчали теперь над знаком «солнце»*, словно оно выпустило демонские рога.

От лёгкого толчка в грудь двое приставов были грубо отброшены назад, они упали на стулья и разломали их в куски, издав приглушённые стоны.

Все были в ужасе: они не представляли, что сила Фань Сяня настолько велика. Неосознанно все отступили на полшага назад.

Го Чжэн не волновался и не тревожился. Он с улыбкой посмотрел на Фань Сяня и тихо произнёс:

— Избиение служащих в суде — ещё более серьёзное преступление.

Хань Чживэй понял, что он имел в виду. Применение пыток было незначительным вопросом, главное, что он мог повесить на Фань Сяня новое обвинение. Чем дольше Фань Сянь отказывался сдаться и чем яростнее сопротивлялся, тем лучше.

Го Чжэн взглянул на Фань Сяня и улыбнулся:

— Молодой господин Фань, ведите себя прилично. Я знаю, что вы мастер и кисти, и меча, и если захотите сбежать из этого зала, вам это не составит труда. Но... неужели вы хотите считаться мятежником, преступником без роду, без племени? — он легонько постучал пальцами по столу, очень довольный сложившейся ситуацией, и тихо добавил: — Если вы, молодой господин Фань, продолжите сопротивляться, это покажет ваши недобрые намерения. Если же сопротивляться не хотите, просто покорно примите наказание.

Потом он добавил ещё одну фразу:

— Если молодой господин Фань хочет силой прорваться из Министерства наказаний, то может поступать, как ему угодно. Жаль только... Жаль, что выдающийся поэтический гений, владыка умов наших учёных из-за такого серьёзного преступления ввергнет семью в беспокойство и втопчет в грязь свою репутацию.

Фань Сянь спокойно посмотрел на него и вдруг сказал:

— В детстве меня и так сильно пугали.

Эти слова относились к тому, что он пережил в детстве, каждый день наблюдая трупы. При мысли о только что произнесённых цензором Го словах он вспомнил о поведении Чжоу Синчи** в «Мелком чиновнике девятого ранга»***. Холодный свет в его глазах вспыхнул и погас — он понял, что не сможет силой прорваться из Министерства наказания, однако и принимать наказание был не согласен, поэтому ему оставалось только тянуть время, пока люди, стоящие за ним, неотреагируют. Равнодушно он произнёс:

— Естественно, пробиваться силой из Министерства наказаний — это серьёзное преступление, так что ладно, я посижу здесь и поболтаю с господами чиновниками.

Сказав это, он отошёл в сторону и сел на стул, чуть опустил взгляд и тихо добавил:

— Если вы захотите применить пытки, я, естественно, буду сопротивляться. Если не захотите, то я не прочь посидеть здесь немного. Господа, как закончите слушание дела, известите меня, пожалуйста, я пойду домой поем.

— Каков наглец! — закричал Хань Чживэй. — Схватите его!

Уже в третий раз за сегодняшнее судебное заседание ему пришлось кричать. Лицо Фань Сяня ничего не выражало. Он слегка похлопал по чайному столику рядом с собой, лёгким облачком выпуская из ладони жёсткую истинную ци, и она в момент разбила деревянный столик в щепки!

Затем он поднял глаза, оглядев стоящих вокруг приставов, и под этим нежным взглядом никто из охранников тринадцатого ямэня, никогда ни перед богом, ни перед чёртом не робевших, при мысли об ужасающей силе, продемонстрированной молодым господином Фанем, так и не осмелился сделать ни шага вперёд.

С момента основания государства в главном зале Министерства наказаний никогда не происходило ничего столь абсурдного. Это не походило на что-то, что может произойти в реальности, а скорее напоминало непонятную театральную постановку из тех, что Фань Сяню случалось видеть в прошлой жизни: подсудимый спокойно и невозмутимо сидел в резном кресле, приставы вокруг не решались приблизиться. Против ожидания подсудимый не хотел прорываться наружу силой, а у остальных не было возможности схватить его.

За время жизни Фань Сяня в этом мире сиденье под его ягодицами в некоторые удивительные моменты могло выражать его отношение — гнев или готовность дать отпор. В Даньчжоу в возрасте двенадцати лет он, встав на маленькую скамейку, избил второго управляющего, разукрасив ему лицо словно цветами персика. В тот день, когда он прибыл в столицу, он сидел на резном кресле у боковой двери, сдерживая гнев в своём сердце, и готовился принять нежные, как мечи, слова госпожи наложницы.

Сегодня в главном зале Министерства наказаний он снова удобно сидел в кресле, спокойно глядя на двух высокопоставленных чиновников, которые хотели преподать ему урок, побив палками, и мысленно прикидывал, кто ещё стоит за этим представлением помимо старшей принцессы.

В Министерстве наказаний противостояние снова зашло в тупик. Увидев Фань Сяня в окружении вооружённых стражников тринадцатого ямэня, цензор Го перестал торопиться. Он

знал, что сегодня Фань Цзяня, министра финансов, и премьер-министра Линь Жофу задерживают другие дела. Теперь у них было полно времени, чтобы дождаться, пока свидетель Ян Ваньли доберётся до зала суда. Улыбнувшись, он сказал:

— Завтра я подам доклад о сегодняшнем происшествии императору, и посмотрим, сможешь ли ты вести себя так же нагло, полагаясь на влияние своих старших. Не думай, что я не смогу установить твою вину. Скоро, когда придёт свидетель Ян Ваньли, министр Хань снова арестует тебя, и если ты всё ещё осмелишься сопротивляться, не обвиняй судей в том, что они потребуют высочайшего приказа наказать тебя за измену.

Фань Сянь тихо сказал:

— Господин Го, поскольку обе стороны уже потеряли лица, я скажу откровенно: если у Ян Ваньли и его друзей будут неприятности, вы можете готовиться к похоронам.

Это была неприкрытая угроза. С момента основания государства Цин Фань Сянь был первым, кто со статусом чиновника пятого ранга осмелился в зале Министерства наказаний угрожать нынешнему министру и начальнику цензората.

Почувствовав смертельную опасность в простых словах Фань Сяня, Хань Чживэй невольно вздрогнул, словно от холода, уголки его глаз нехорошо задргались. Ледяным голосом он произнёс:

— Фань Сянь, помни, что ты чиновник правительства, а не разбойник, устанавливающий свой авторитет силой. Сегодня ты бесчинствуешь в Министерстве наказаний, и я хочу посмотреть, чем ты кончишь.

Фань Сянь тихо ответил:

— Министерство наказаний в угоду своим фантазиям пытается принудить меня к даче показаний. Почтенный цензор, не стерпев, что министр Го ушёл в отставку из-за дела о злоупотреблениях, пытается отомстить. Я не представляю, что вы за чиновники. Завтра я напишу пространную поэму о сегодняшнем деле, которую разнесут по всему миру, чтобы народ осознал, каковы из себя чиновники в нынешнем государстве Цин и чтобы император получил представление о том, кого сейчас слушаются подданные при дворе.

— Вы можете говорить всё, что хотите, — Го Чжэн знал, что с нынешней репутацией Фань Сяня это дело вполне возможное, и тихо сказал: — Молодой господин Фань знал подробности дела о мошенничестве, почему же не сообщил об этом заранее своему начальству, чтобы суд разобрался, а не задействовал Контрольную палату? Короче говоря, обвинение в неуважении к суду подтверждается, и я хочу посмотреть, как завтра министр Фань объяснит это императору.

Эти слова были настолько категоричными, что на изящном лице Фань Сяня вдруг промелькнуло намерение убийства. Он встал и холодно посмотрел на сидящих на возвышении

чиновников. Приставы, окружавшие его, беспокоились и нацелили клинки Фань Сяню в уязвимые места.

И как раз когда положение стало критическим, за дверями Министерства наказаний раздался презрительный голос Янь Жохая:

— Контрольная палата ведёт это дело по высочайшему указу, с каких пор мы должны объясняться перед цензором?

Фань Сянь улыбнулся, вздохнул и покачал головой: ему было немного жаль, что люди Контрольной палаты пришли так рано.

* Девиз “Честность и справедливость” пишется как 公正, в последний знак входит элемент “солнце”.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/2577133>